

VII. ПОЭЗИЯ

Александр Зиновьев. Я, ребята, не поэт

Поэтом быть я никогда не собирался по таким причинам. Во-первых, сочинял стихи я очень легко, порою почти молниеносно. При этом никогда не испытывал мук творчества и восторга от поэтических находок. Впрочем, я их и не искал. Во-вторых, были сочинители стихов получше меня. Я им нисколько не завидовал и не думал конкурировать с ними. В-третьих, мой поэтический вкус не соответствовал тому, что я видел в поэзии других. Устами моего литературного персонажа (в книге «Мой дом — моя чужбина») я его выразил так:

Поэзия тогда только прекрасна,
Когда есть что сказать и говорится это ясно.
Когда внимаешь мыслям, а не голосам.
И хочется, чтобы такое ты придумал сам.

В поэзии других мне редко что нравилось. Если я чувствовал, что сам мог сочинить такое и даже лучше, я это хорошей поэзией не считал. Только тогда, когда я чувствовал, что я неспособен сделать нечто подобное, я считал настоящей поэзией. Так что мне в поэзии вообще нравилось очень немногое. И наконец, то, что я сочинял и был способен сочинять, напечатать было невозможно, а порою за это можно было поплатиться головой. Одним словом, как сказал один безымянный сочинитель стихов еще в 1942 году,

Я, ребята, не поэт.
У меня таланту нет.
Стих в печать не посылаю.
Гонорар не получаю.
И по совести сказать,
Не люблю совсем писать.

Стихи я начал сочинять очень рано. Сочинял просто так, для забавы. И от случая к случаю. В школе стал сочинять стихотворные подписи к карикатурам, которые я рисовал для стенных газет. Иногда сочинял и «внешкольные» стихи. Сохранилось очень мало. Например, сохранилось такое стихотворение, которое я сочинил в десятом классе школы (в 1939 году), но реставрировал и опубликовал лишь в 1983 году в книге «Нашей юности полет» на Западе.

Пройдет еще немного лет.
И смысл утратят наши страсти.
И хладнокровные умы
Разложат нашу жизнь на части.
На них наклеят для удобств
Классификаторские метки.
И, словно в школьный аттестат,
Проставят должные отметки.
Устанут даже правдесы
От обличительных истерий.
И истолкуют как прогресс
Все наши прошлые потери.
У самых чутких из людей
Не затрепещет сердце боле
Из-за известной им со слов,
Испытанной не ими боли.
Все так и будет. А пока
Продолжим начатое дело.
Костьми поляжем за канал.
Под пулемет подставим тело.
Недоедим. И недоспим.
Конечно, недолюбим тоже.
И все, что встанет на пути,
Своим движеньем уничтожим.

В это время я уже был антисталинистом. Сохранилось в памяти несколько стихотворений этого периода. Например такое.

Ответь, спустился ты с Небес?
Иль выполз как исчадь Ада?
Родился ты зачатъя без
Или ты есть порока чадо?
Нет, я не ангел и не бес.
Узри во мне земного гада,
Что мир построил вроде ада,
На землю рай спустив с небес.

Много сочинял стихов в годы войны. В основном озорные и сатирические, последние — подписи к карикатурам, которые я рисовал в «Боевых листках». Вот, например, такой случай. Я служил в штурмовом авиационном полку. Мы должны были бомбить и обстреливать немцев с пикирования, иногда — до уровня бреющего полета. Один летчик был трусоват (трусы бывали и в авиации), боялся пикировать круто и низко. Но его как-то обстреляли «мессера» на высоте. По этому поводу я сочинил такое стихотворение для «Боевого листка».

Себя от мессеров страхуя,
Решил держаться на верху я.
Но, вот беда, дал маху я:
И на верху их до ... тоже много.

Что должно было стоять вместо многоточия, было ясно для всех. И стих быстро разошелся, разумеется, с этим словечком.

Сочинял не только озорные («солдатские») стихи, но и серьезные. Сохранилось, например, такое.

Скажи мне, почему фронтовики молчат,
Когда военный подвиг превозносят,
Или невнятно что-нибудь мычат,
Когда об этом их другие просят?
Я знаю, что война — не карнавал,
А голод, холод, тяжкие мученья.
Но все же и в походе есть привал,
И на войне бывают приключения?
Бывают. Если, сытого сытей,
Ты в безопасности в стратегию играешь.
И за счет неслыханных смертей
Ордена и славу огребаешь.
Если при хлебах в тылу притих.
Если — в штаб пристроившийся сука.
А для миллионов всех других
Война есть одуряющая скука.
Штурм, атака — это дня юнца.
Это — дня газет и для экрана.
Война есть ожидание конца.
Души незаживающая рана.
Банальна суть. Убитые молчат.
Живой пройдоха подвиг превозносит.
Случайно уцелевшие ворчат,
Их вспоминать давно никто не просит
Не чувствуя за прошлое вины,
Плетут начальники военную науку.
И врут писатели романтику войны,
Очередную одуряющую скуку.
Вот почему...

Уже после войны написал стихотворение «Гост» по поводу речи Сталина на банкете в Кремле в честь победы над Германией. Опубликовано оно было в книге «Светлое будущее» в 1978 году на Западе. Публиковать такого рода стихи в советские годы было немыслимо. Если бы мое авторство «Госта» было установлено, то моя жизнь прекратилась бы уже тогда, в 1945 году. Впервые я стал публиковать мои стихи в «тамиздате», т. е. на Западе, начиная с 1976 года. И в течение двадцати лет (я называю этот период моей жизни литературным) опубликовал сравнительно много. Но значительная часть опубликованного была сочинена в 1946—1976 годы. Кое-что сохранили друзья. Кое-что я запомнил сам. Кое-что реставрировал. То, что сочинялось после 1976 года, делалось в духе прошедших лет.

Скажу об особенностях моего поэтического творчества. Стихи сочинялись не для публикации и не в качестве некоего профессионального дела, а как бы между прочим, от случая к

случаю, по какому-то поводу, ради шутки и т. д. Как правило, это была импровизация. Большая часть забывалась. Лишь немногое сохранялось в памяти. Так что не случайно я использовал преднамеренно упрощенные формы поэтической техники. Это не от неумения и незнания, — в юности я хорошо знал поэзию и мог сочинять любые виртуозные стихи, — а от целей и условий сочинительства. Я очень высоко ценил, например, Маяковского, и неплохо сочинял «под Маяковского». Но мне эта форма не подходила. Время не то. Для той эпохи, в которую я жил и которую отражал в своем творчестве, нужно было нечто иное. Не лучше и не хуже, а именно другое. Я бы сказал — застихованная проза. Тут озорной, порою — нецензурный, сатирический, намеренно утрированный и т. п. стих был более подходящим.

Следующая особенность моей поэтической деятельности состоит в том, что стихи сочинялись или использовались, если были сочинены ранее, как часть прозаического контекста. Исключение составляют лишь такие независимые от прозы книги: «Баллада о неудачниках» (1942), «Евангелие для Ивана» (1984) и «Мой дом — моя чужбина» (1982). Да и то первая была найдена и доработана после издания «Зияющих высот» (она была опубликована в книге «В преддверии рая» в 1979 году), а вторая и третья просто по расчетам издателя были изъяты из более обширного контекста и изданы отдельно. Обычно же стихи появлялись по мере надобности в прозаическом контексте или включались в него, если были готовы для каких-то других целей, по такой схеме: сначала излагались теоретические соображения, затем приводились прозаические литературные фрагменты фельетонного, сатирического, назидательного и т. п. типа и, наконец, тема завершалась стихотворением, подходящим к ситуации и усиливающим (по замыслу автора) ее эффект.

Я классифицирую мои стихотворения совсем не так, как принято в литературоведении, а именно — по таким типам: гимны, марши, послания, молитвы, назидания исповеди, баллады, частушки. Приведу несколько примеров этих типов. Они взяты из разных моих книг

ГИМН ИБАНСКА

Светлое
послезавтра
сообща
кую,
Зря
грядущее
скрозь время
призму,
Мы не признаем
и не желаем
ни..., то есть ничего,
Акромя
изма!
Начать нам
на Америку
и Европу!
Мы и сами
не лыком
шиты!
Перегоним
и покажем им
голую..., то есть задницу,

*

Мол, завидуйте, паразиты!
А осмелится кто
нас пугать,
Тому мы
мигом
поставим
клизму!
Мы обязательно
будем, растуды
вашу мать,
Жить
при изме!

ГИМН СОБРАНИЮ

Эх, собрание, братание,
Давней юности мечта.
Взгляд соседки. Щебетание.
Сигареты теплота.
Звенит звонок. Сотрудник мчится
По учреждению родному.
Перед собранием помочиться,
А этот — сделать по большому,
А тот бежит, разинув рот,
Купить от язвы бутерброд.
Эх, собрание, старание,
Ранней старости красота.
Бесконечное орание.
Пота вонь и теснота.
А зал гудит. Народ резвится.
Орет. Толкается к проходу.
Призвать к порядку кто-то тщится.
В графин, кричат, налейте воду.
И вдруг в почтенье стих народ.
Мелькнул директорский живот.
Эх, собрание, наказание,
Предынфарктная маета.
Выступальщиков кривляние.
И доносчиков клевета.
Уселся зал. Пора открыться.
Избрать президиум по штату.
Холуй с бумажкою вертится
С готовым списком кандидатов.
В президиум из года в год,
Сияя, прет активных род.
Эх, собрание, зевание,
Беспросветная сукота.
Демагогов завывание.
В мыслях полная пустота.

Ползала спит. Доклад струится.
Смакует фронда анекдотик.
Лишь бдит стукач. Ему не спится.
Пометки делает в блокнотик.
И трепачей привычный сброд
Для прений тренирует рот.
Эх, собрание, назидание,
Возвышающий момент.
Одобрение воззвания.
Обличающий документ.
Проснулся зал. Народ ярится,
За пунктом пункт тасуя ловко,
И резолюции стремится
Придать свою формулировку.
Надсмотрщиков надежных взвод
Следит, чтоб правилен был ход.
Эх, собрание, пропадание
Не минут, не дней, а лет.
Добровольное страдание.
Демократии расцвет.

Приведу пару примеров марша.

МАРШ ЗАГРАДОТДЕЛА

Регулярно до усера кашу жрем
Оттого-то мы счастливей всех живем
И на весь на мир уверенно орем.
Левой!
Левой!
Левой!
Правой! Ты один. А мы — оравой.
Если хочешь каши тоже,
Становись на нас похожим!
А не то получишь в рожу!
Во вчерашнем дне уверены вполне.
В критиканах не нуждаемся извне.
Если что, так это все по их вине.
Левой!
Левой!
Левой!
Правой!
Ты один. А мы — оравой.
Будешь тихим — дадим лопать,
Будешь ихним — будем шлепать.
Так что лучше с нами топать!
Как учил нас сам Хозяин наш отец,
Нам дозволено лупить судом и без,
Потому как мы несем с собой прогресс.

Левой!
Левой!
Левой!
Правой! Ты один. А мы — оравой!
Кто виновный тут, кто правый,
Смысл подсказывает здравый:
Ты — один, а мы — оравой!
Левой!
Левой!
Левой!
Правой!

МАРШ УРОДОВ

Уроды! Плевать на хвори!
Слепые, глядите в оба,
С дороги не сбиться чтобы!
Грядущего зрите зори!
Шагайте, безногие, в ногу!
Протезам — ничто расстоянье.
Где видят слепые сиянье,
Туда пролагайте дорогу!
Безрукие, руки раскроем!
Локоть друг друга почуем!
Свободу себе завоюем
Своею железной рукою!
Безголосые, взвойте песни,
Сочиненным тем, кто без слуха!
В бурном танце кружись, старуха,
В одеянье из праха и плесени!
Правьте, безмозглые, нами!
Мир направляйте идей!
О судьбах планеты радея,
Вовсю шевелите мозгами!
Держайте! И всюду народы
Забудут былые тревоги.
Все счастливы будут, как боги,
Поскольку все будут уроды.

ПРИМЕРЫ ПОСЛАНИЙ

РОДИТЕЛЯМ

К чему тщеславные мечты! К чему напрасные укоры!
Нет, никогда моя нога не вступит в власти коридоры.
Не переступит никогда распределителя порога.
И бронированным авто не просвистит моя дорога.
Не улыбнется ни за что двухсотметровая квартира,
Приемная на сто персон и три под кафелем сортира.

Мой тощий зад не ощутит от кресла мягкого томление.
Аплодисментами народ мое не встретит появленье.
Не приукрасит мой портрет газетный опытный фотограф,
И под чужой пустой статьёй я не поставлю свой автограф.
Успехи пройденных дорог я в микрофон не подытожу.
И созидателей рядов для коммунизма не умножу.
И орденами грудь мою до ниже пупа не закроют.
На Новодевичьем, увы, под гром оркестра не зареют.

ЕЩЕ НЕ РОДИВШИМСЯ

Пред тем, как в Этот свет явиться,
О примитивный эмбрион,
Пока ты будешь Там томиться,
Обдумай, есть ли в том резон.
И коли дрянь твои делишки,
Пути обратно то есть нет,
Пустые напряжения мыслишки,
Полезный выслушай совет.
Молчи ночами. Днем не вякай.
Послушным и здоровым будь.
В пеленки не мочись. Не какай.
И не соси, конечно, грудь.
Зачем? Чтоб требовать не стали
Родители за то любовь.
И укорять, что недоспали,
Что, мол, из них сосали кровь.
Забудь детсад. Забудь про школу. —
Про аттестат. И про диплом.
Про медицинские уколы.
Кино. И южное тепло.
Зачем? Чтоб требовать не стали
Руководители любовь.
Твердить, что все тебе, мол, дали,
Тебя, мол, ради лили кровь.
Но помни! Если сможешь даже
Не быть Им должным ни шиша,
Они благодарить прикажут
За все за то, что разрешат.
Познавши правило такое,
И днем и ночью, знай — ори.
И не давай Им всем покоя.
И все, что сможешь, обосри.

КОЛЛЕКТИВУ

Хоть расшибись, хоть лезь из кожи,
Хоть лбом о стенку колоти,
Ничто тебе уж не поможет,
Коль отвернется коллектив.

Не минет бдительного глаза,
Что ты вчера был пьяный в дым.
С отчетов за год уж ни разу
Не выйдешь цел и невредим.
Брось о защите мысль лелеять.
Надбавку — в памяти сотри.
В день торжества и юбилея
Лист премий больше не смотри.
С уходом старые уловки
Теперь уж больше не пройдут.
И уж со скидкой путевки
Тебе в месткоме не дадут.
И если свалишься в простуде,
Лечь будешь вынужден в кровать,
Никто на яблоки не будет
Тебе копейки собирать.
Неровен час, прокол случится,
И захотят тебя изъять, —
Никто с работы не примчится
На перевоспитанье взять.
Итог? Он априори ясен,
Фундаментальный примитив.
Ты омерзительно прекрасен,
О, нелюбимый коллектив!
Ко мне лицом оборотися,
Объятъя жаркие раскрой!
Меня обнюхай, приглядыся!
Не видишь разве — я весь твой?!

ПРИМЕРЫ МОЛИТВ

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА

Благодарю Тебя за свет,
За то, что сам восстал с постели,
И что источники монет
Пока еще не оскудели.
Меня устроить не прошу
Жить в однокомнатной квартире.
Зла на соседей не держу.
Хочу с милицией жить в мире.
Прости, что веры нет в душе,
Что не приучен я молиться.
Едва очухавшись — уже
Соображаю похмелиться.
Прошу еще поклон принять
За то, что сил даешь трудиться
И что позволишь мне опять
С спокойной совестью напиться.

МОЛИТВА ПЕРЕД РАБОТОЙ

Каюсь, Господи, прости!
Одна томит меня забота:
Быстрее, время, мчись к шести!
Скорей кончайсь, моя работа!
Хотя я не верую, молю,
Чтоб день рабочий так промчался,
Как будто он почти к нулю
В своем движеньи приравнялся.
Не потому, что я ленив,
На эту тему я шептался,
А чтоб здоровый коллектив
Меня исправить не пытался.
Пред начальством чтобы дрожь
Не ощущалась в мыслях даже,
Не видеть чтоб их гнусных рож,
Не слышать шелеста бумажек.
И про успехи чтоб не лгать.
Не быть в восторге без причины.
И никогда не пролагать
Дорогу новому почину.
Кретинов не превозносить,
Стоящих у кормила власти.
И сообща не поносить,
Кто тщится отвратить напасти.
На вахту чтобы не вставать
На благо нашего народа.
И обязательств не давать
Прожить пять лет в четыре года.
А для потребности души
Яви, молю, крупицу блату:
Иметь, как прежде, разреши
Мою грошовую зарплату.

МОЛИТВА ПОСЛЕ РАБОЧЕГО ДНЯ

Таким и будь ты на века,
Занудный, серый день работы.
День раздраженья и зевоты,
День ожидания звонка.
С торчаньем в тесном коридоре,
С куреньем в заданных местах,
С пошлейшей шуткой на устах,
С суждением о всяком вздоре.
С решением пустых задач,
К начальству трепетным походом,
С общением со всяким сбродом,
День без беды и без удач.

МОЛИТВА ПЕРЕД ВХОДОМ В ХРАМ

Стезю свою сам выбирай.
Живи не завтра, а сегодня.
Входи... отнюдь не в преисполню,
Но далеко не в чистый рай.
Мозги напрасно не крути,
Судьбы своей не уклоняйся.
К привычной стойке прислоняйся.
Другого не ищи пути.
Входи! И ощути души
Родство с таким, как сам, народом.
И на алтарь клади природы
Свои последние гроши.

МОЛИТВА ПО ВХОДЕ В ХРАМ

Я никогда не обойду
Тебя сторонкой, место свято!
Плевать на горе и беду!
Примите в пай мой рубль измятый.
Еще не сотворил Творец
Восторга выше пьяной ласки.
Режь, друг, последний огурец,
Дели на всех сто грамм колбаски!
Пошлем всех на! И смело в путь
В иное, высшее пространство!
О, жизнь! Благословенна будь,
Покуда существует пьянство!

МОЛИТВА ВО ВРЕМЯ ТРАПЕЗЫ

Чтобы отвлечься от тоски,
Обычай есть старинный русский.
Объединяйте пятаки!
И обойдемся без закуски!
Вольем одну. И повторим.
И по другой немедля вдарим.
Друг другу души растворим,
Потом набьем друг другу хари.
А утром, ощутив едва,
Что в теле жизнь еще теплится,
Да возвратимся мы, братва,
К истокам жизни — похмелиться.
И позабывши про тоску,
И помня лишь обычай русский,
Упьемся в стельку иль в доску,
Конечно, снова без закуски.

МОЛИТВА ПО ОКОНЧАНИИ ТРАПЕЗЫ

Слижи с досок шершавых крохи,
Стяни живот ремнем потуже.
И как достойный сын эпохи
Моли, чтобы не стало хуже.

МОЛИТВА ПО ВЫХОДЕ ИЗ ХРАМА

Сей злачный дом благодарю.
И уходя, с ним не прощаюсь.
И ни к кому не обращаюсь,
Речь сам с собою говорю.
Глядите, я плетуся еле,
Смиривши страсти, сер и тих.
Хочу лишь на своих двоих
Дойти до собственной постели.
Иду, душою чист и светел.
Молю Его: будь добр, уважь!
Чтобы во мне порядка страж
Интеллигента не приметил.
Что я качаюсь — пусть не в счет.
Ведь пил, бывало, сам Спаситель!
Ужель районный вытрезвитель
Опять мой путь пересечет?!

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Грязь оботри с усталых крыл.
Спусти на землю дух тревожный.
Скользни в каморку осторожно,
Сосед чтоб матом не покрыл.
И дверь закрывши на крючок,
Закончи день на жестком ложе.
Скажи Ему: Спасибо, Боже,
Я всем доволен. И — молчок.

НОЧНАЯ МОЛИТВА

Настала ночь. И ты один.
Всем до тебя — какое дело?
И твое собственное тело
Твоей душе — не господин.
Она — в бездонной высоте,
В тиши, как сто громов гремящей,
Во тьме, как сотня солнц слепящей,
В тягучей мчится пустоте.
И переполнит тебя страх.
Ты испытываешь вождельенье
Исполнить смутное веленье:
Исчезнуть в изначальный прах.

ВОТ НЕСКОЛЬКО ПРИМЕРОВ ИСПОВЕДЕЙ

ПОРЫВ

Отвисли старые штаны
В заду,
В коленях.
Не в человеке дела суть,
А в по-
Коленьях.
В карманах тшуся я сыскать
От хлеба
Крохи.
Не люди сущность бытия,
А лишь
Эпохи.
Остановите суету!
Кончайте
Споры!
Сейчас я мир переверну
И без
Опоры.

ТОМЛЕНИЕ

Не могу я понять,
Что со мною творится.
То пятерку занять
Я хочу и напиться.
И тогда не унять
Никаким приговором:
Так и тянет меня
Лечь-заснуть под забором.
А бывает с тобой
И такое творится:
Из-под крана водой
Чистой хочешь умыться,
Бритвой морду скребешь
И рубашку меняешь.
Просветленный идешь,
А куда, сам не знаешь.
Ты в согласи с судьбой.
Ах, как солнце сияет!
Неба край голубой
Перспективы вселяет.
Все на свете обнять
Твое сердце стремится.
И пятерку занять,
И до рвоты упиться.

АПОФЕОЗ

Такое вам даже
Теперь не приснится...
Я дверь открываю.
Я поднял десницу.
Пачку купюр
Зажимаю я в ошую.
Щедростью царскую
Вас огорошу я.
Замерли все.
Не жужжат даже мухи.
Кончили брань
У помойки старухи.
Я деньги бросаю
Комком на прилавок.
Я требую гордо
Всех Дусек и Клавок.
Эй, гурии рая!
Поите всех водкой!
Сыра не надо!
Не надо селедки!
Иван не француз,
И не немец, а русский.
Тратить рубли
Ни к чему на закуски.
А дальше... А дальше
Не трать даром слов.
Что было, то сплыло,
Быльем поросло.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ИСПОВЕДЬ

Уже с юности было вполне очевидно:
Промелькнут, не заметишь, года.
Было только немного-немного обидно,
Что вовеки не будет Страшного Суда.
Никогда не подымутся люди из праха.
И истлевшее тело не сыщет душа.
И не будет ни радости им и ни страха.
И не будет, короче сказать, ни шиша.
Все же жаль. Любопытно бы было когда-нибудь
На минуту-другую из мертвых восстать.
В страхе божьем воззреть, как положено, на небо.
Перед Высшим Судьей персонально предстать.
И услышать во гневе: «Ответь! Только честно!
А соврешь, сукин сын, будешь вмиг уличен!
Что ты там натворил. Нам все это известно!»
Честно? Этому, Господи, я не учен.
Лучше сам загляни в свои книжки-гроссбухи,

Сам увидишь, что я — заурядный злодей,
Не протягивал слабому помощи руки.
Признаюсь, обижал безнаказно людей.
И душою кривил, признаюсь, многократно.
Доносил добровольно и в силу причин.
Клятву верности брал, приходилось, обратно.
Зад лизал с целью выйти в желаемый чин.
Лицемерил один. Клеветал коллективно.
Подпевал демагогии высших властей.
Руку жал проходимцам, хоть было противно.
Пил с мерзавцами всяких статей и мастей,
Так что видишь, Всевышний, прожил я безгрешно.
Если хочешь добром или злом наградить,
Если просьбы уместны при этом, конечно,
Прикажи меня впредь никогда не будить.
Мне известно, что мертвым не больно, не стыдно.
И не мучает совесть их, как говорят.
Ну а главное — мертвым не слышно, не видно,
Что на свете живые с живыми творят.

Значительное место в моей поэзии в эмиграции заняла ностальгия.

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ПЕСНИ

Что вы затихли,
что потускнели,
Песни, которые
раньше мы пели?!
Мы слышим отныне
то крики, то стоны.
Нам что-то невнятно
шипят в микрофоны.
Нам что-то истошно
вопят-завывают.
Чего они просят?
К чему призывают?
Ни к черту, ни к Богу,
ни к стройке, ни к бою.
Они наполняются
сами собою.
Как будто отважно
ломают тесноты,
А верить нельзя им
на сотую ноты.
Их слушать —
за вас нестерпимо обидно,
Но к вам возвращаться —
и больно, и стыдно.

ТОСКА ПО РОМАНТИКЕ

Мне представляется детства картина...
По полю конная мчится лавина.
Из рук вырывается алое знамя.
Тот враг, кто не мчится в атаку за нами.
Строчат пулеметы. И пушки гремят.
Враг перепуган. Разгромлен. И смят.
Пусть это — в кино. Пусть все это — из книжки.
Но мы же — романтики. Мы же — мальчишки.
Для нас это — жизнь, а не подлый обман.
Но годы прошли. И растаял туман.
«Ура !» отгремело. Умчались кони.
И бывший романтик в отчаяньи стонет.

А ТАМ, В РОССИИ

А в нашей слякотной глуши
Еще тревогу в сердце будят зори.
Великая таинственность души
Еще порой мелькает в женском взоре.
Здесь познается, как журчит ручей,
И что такое — тонкая береза,
В чем глубина без шорохов ночей,
В чем волшебство колючего мороза,
Зачем тропа теряется во ржи,
О чем молчат еловые макушки,
Кому рисует ястреб виражи,
Кукуют что пророчицы-кукушки,
Какую тайну снег от нас таит,
Как осень прячет яркие одежды...
Здесь грустно так, что в горле ком стоит.
И нет ни радости, ни горя, ни надежды.

ТОСКА О ПРОШЛОМ

Итак, рассеялся истории туман.
И с грустью замечаю, что теперь я
На прошедший пламенный обман
Променять готов холодное неверие.

И ОПЯТЬ ТОСКА

Хочу в ушедшие года.
Пусть будет нестерпимо плохо.
Твоим я буду навсегда,
Меня родившая эпоха.

РОДИНА

Есть Родина-сказка.
Есть Родина-быль.
Есть бархат травы.

Есть дорожная пыль.
Есть трель соловья.
Есть зловещее «кар».
Есть радость свиданья.
Есть пьяный угар.
Есть смех колокольчиком.
Скрежетом мат.
Запах навоза.
Цветов аромат.
А мне с этим словом
Упорно одна
Щемящая сердце
Картина видна.
Унылая роща.
Пустые поля.
Серые избы.
Столбы-тополя.
Бывшая церковь
С поникшим крестом.
Худая дворняга
С поджатым хвостом.
Старухи беззубые
В сером тряпье.
Безмолвные дети
В пожелтом репье.
Навстречу по пахоте
Мать босиком.
Серые пряди
Под серым платком.
Руки, что сучья.
Как щели, морщины.
И шепчутся бабы:
Глядите, мужчина!
Как вспомню, мороз
Продирает по коже...
Но нет ничего
Той картины дороже.

Я сочинил также множество баллад, сказок, частушек и даже сказов. Любая стихотворная форма могла быть использована как подсобное средство выражения социальных идей. Я имел целью не вклад в развитие поэзии как таковой, а лишь использование ее. В принципе я мог без нее и обойтись.

Как я уже говорил, основная масса стихов была написана мною как компонент в целом прозаических контекстов. Но я сочинил и три крупных литературных произведения в стихотворной форме, независимой от прозаического контекста. Это — «Баллада о неудачниках» (1942), «Мой дом — моя чужбина» (1982) и «Евангелие для Ивана» (1984). Первая баллада была сочинена за несколько дней на гаубтвахте. Сочинена в уме и лишь частично была вычарпана гвоздем на стенке помещения, где находилась арестантская. Она сочинена в «народном»

(вроде «Конька-горбунка» Ершова) и озорном («солдатском») стиле. Напомню, что «Василий Теркин» Твардовского нам еще не был известен. В «Балладе» описана жизнь молодых ребят во время войны в таком ее аспекте, какой обычно обходится молчанием.

Но в ней были куски серьезные. Например, такой:

Найти славные войска
Взяли с боем город Ка.
Их при этом возглавлял
Знаменитый генерал.
Взяли в плен...
И захватили...
Уничтожили... Подбили...
А сосед ворчит ехидно:
«Враг разбит! Одно обидно —
Ни потом и ни теперь
Не узнать своих потерь.
Ведь у этого урода Я
трубил почти полгода.
Он и раньше гоношил
Потянуть побольше жил,
Чтобы было потрудней, —
Им, мол, сверху, там видней.
Лишь одно, болван, вопил:
«Не жалеть, мать вашу, сил!»
А как первый бой настал,
Он тотчас в штаны наклал
И бежал в великом страхе,
Говорят, в одной рубаше.
Мы ж держали оборону
Без жратвы и без патронов.
Уцелел на пять один...
Ему — орден, новый чин.
Нас потом трясли допросом
В спецотделе по доносам:
Кто, о чем и с кем трепался,
Почему живой остался.
Описать про все про то,
Не поверят ни за что.
Да и кто рискнет — опишет,
Не подохнем мы пока,
Сколько он зазря людишек
Положил под этим Ка».

Стихотворный роман «Мой дом — моя чужбина» посвящен умонастроениям и поведению советской либеральной и фрондирующей интеллигенции в 60-е и 70-е годы XX века, т. е. накануне антикоммунистического переворота. Герой первой части — «самиздатовский» поэт, герой второй части — интеллигент, соблазнившийся благами Запада и эмигрировавший на Запад с ведома советских властей и как агент КГБ, но брошенный на произвол судьбы за ненадобностью. Смысловую суть романа я выразил словами этого персонажа так.

Как живем мы матерьяльно,
Всем известно досконально.
Но известно лишь по слухам,
Как живем мы в сфере духа.
Это даже не занятно.
И копаться неприятно
В той помойке, в коей слита
Интеллектуальная элита.
И оценят ли ханжи,
Что сие — не лужа лжи,
А ни много и ни мало,
Как грядущего начало.
В общем, долг отдавши мере,
Растолкую на примере,
Чем у мыслящей элиты
Их мозги порой набиты.

Используя поэтические средства, я описал, чем именно были набиты мозги российских интеллектуалов в те роковые годы. Поэт, оказавшийся в эмиграции, так подводит итог своей жизни там:

Постыдно жалок жизненный итог.
Я проиграл последнее сражение.
Загаженный собаками Париж, и то
Не трогает уже мое воображение.
Не верю больше искренности снов.
На самом деле все ужасно просто.
В число тобою преданных сынов
Включи, о Родина, достойного прохвоста.
Не смывать тобою брошенную грязь.
Не выблевать тобой отравленное блюдо.
Я остаюсь, о Родина, твоя родная мразь,
Твой сын родной, сиречь, родной ублюдок.

И вот как подводит итоги враг поэта интеллектуал — агент КГБ:

Пролетели три недели.
Наконец-то я при деле.
Есть зарплата. И притом
Есть у нас теперь свой дом.
На двоих три этажа.
Жалко, нету гаража.
Моя Нюшка впала в раж.
— Я с них выдеру гараж!
— Но у нас же нет авто!
— Мне, Иван, начхать на то.
Мы ж идейные борцы.
Нам положены дворцы.
В кухне слышится порою наш отборный русский мат.
Это — Нюшка заставляет мыть посуду автомат.

Не уроним нашу марку!
Одолеем кофеварку!
Хватит, товарищи, рыться
В нашем российском корытце!
Теперь перед нами открыто
Все мировое корыто!
И опять Нюшка судачит.
— Вань, у нас теперь задача:
Чтоб спокойно тут жить,
Надо Запад вооружить.
А не то наши придут,
Все богатство отберут.
Зря мы что ль с тобой страдали?!
Зря мы что ль недоедали?!

Не удивительно, что советская эмиграция отнеслась к роману крайне враждебно. И не только эмиграция.

В «Евангелие» вошли стихи, написанные для других книг. Но добавлены и новые (пожалуй, больше половины). А главное — стихи приведены в единую смысловую систему, так что получилось цельное поэтическое описание всех основных аспектов жизни русского человека, которые обычно замалчиваются или изображаются в искаженном виде. Приведу опять-таки несколько примеров на этот счет.

ОБЩАЯ МОЛИТВА

Дай мне чистой любви изведать.
И избавь от измен и мести.
Дай мне друга, с которым беды
Мы любые осилим вместе.
Разреши не кривить душою...
Зло не прятать за доброй миной.
Перед всякой чиновной вшою
Не сгибаться, а быть мужчиной.
И еще попрошу в заключение -
Разреши мне немножечко дерзости,
Чтоб в кретине не видел я гения
И не видел величия в мерзости.

ДАВ ДЕНЬ — ДАЙ ПИЩУ

Вот правило, с которым я иду:
Бог, давши день, даст и еду.
А ежели не даст, не буду я в обиде.
Я жизни рад в голодном также виде.

ЕДА ЕСТЬ ЗАКУСКА

Вот сущность моего ученья:
Не стоит у Него просить
Еду как средство насыщенья,
Проси немножко закусить.

ЗАПОВЕДЬ ОБ ОДЕЖДЕ

А что касается одежды,
О, брат Иван, оставь надежды
Одежду новую купить.
Старайся старую пропить.

О ЖЕНЩИНЕ

На что за гробом рай небесный?!
На что потомков рай земной?!
Пока живой, в каморке тесной
Хмельную ночь дели со мной!
Не Бог извечный и бескрайний,
Не Гений, зрящий сквозь века, -
Откроет жизни-смерти тайны
Вот эта женская рука.

О ЖЕНЩИНЕ

Пошли мне женщину, но только не на жизнь.
Пусть время встречи будет много уже.
Чтоб я сказать ей мог: теперя отвяжись
И уходи к давно приевшемуся мужу.

О ЖЕНЕ

Она изменит — это аксиома.
Сие ничем нельзя предупредить.
Старайся сам ее опередить,
Беги скорее сам из дома.
Другую женщину найти спешу.
Но будь готов платить за это плату.
Тогда не сможешь даже и по благу
Назад вернуть тепло ее души.

О БОГИНЕ

Пока есть жажда женских тел,
Меня ты, верю, не покинешь.
Но я не бабу, а богиню,
Хоть раз средь них узреть б хотел.

О ЖЕНЩИНЕ

Не надо богиню.
Все это — впустую.
Дай лучше мне русскую
Бабу простую.
По пьянке любая
Сойдет за богиню.
И жалко не будет,
Когда вас покинет.

О ЖЕНЩИНЕ

Поманит женщина — кидайся со всех ног.
И заключи ее в свои объятия.
Но говорю тебе опять я:
И с ней ты будешь одинок.

О ДРУГЕ

Хотя я молод, но со старой мудростью согласен.
Еще вопрос, враг или друг тебе из двух больше опасен.
Прошу тебя, мне от друзей дай хоть бы малую охрану,
Ну а с врагами я и сам сквитаюсь поздно или рано.

О ДРУЖБЕ

Не трать на это лишних слов.
Осталось мало их теперь
Сверхромантических ослов,
Кто в дружбу подлинную верят.

О СОБЕСЕДНИКЕ

Есть вещь важней одежды, секса, вкусного обеда.
Вещь эта — наша русская душевная беседа.
И потому когда назреет острая нужда
Прочь сбросить тяжких мыслей бремя,
Будь добр, мне собеседника уж дай
Терять впустую ничего не стоящее время.

МОЛИТВА О ДОМЕ

Видишь, пал я на колени —
Изможденный, драный, сырый.
Прояви благоволение,
Разрешите вопрос с квартирой.
Я совсем не избалован, буду тихим квартирантом,
Соглашусь, поверь на слово,
С самым худшим вариантом.
Без тепла пусть, пусть без света,
Пусть без кухни, пусть без газа,
Без стола и без буфета,
Даже пусть без унитаза.
Без картин пусть, без портретов,
И без прочего изыска.
Лишь бы числилася где-то
Постоянная прописка.

МОЛИТВА О СЕМЬЕ

Закон сей знает всяк дурак —
С щенка до клячи обалделой:
Спать — спи, но не вступай во брак.
А если влип, детей не делай.

Чуть что случилось, не трудись,
Не напрягая напрасно разум.
Ни дня не медля, разведись.
И подели жилплощадь сразу.
Увидеть снова не мечтай.
Ходи совсем иной дорогой.
Легко отделался, считай.
И больше тему ту не трогай.

МОЯ ПРЕТЕНЗИЯ

Одни хотят закон открыть,
Другие — в космосе болтаться,
Вожжами третьих тянет быть,
А я хочу, смешно признаться.
Чуть свет с постели не вставать,
Живот не портить бутербродом.
В час «пик» вагон не штурмовать
С кипящим злобою народом.
Над нудным делом не корпеть,
Начальству не льстить ретиво,
На общеработе не гореть
Для нужд родного коллектива,
До полуночи не торчать
На коме- и проф- и партсобрания
На сослуживцев не стучать,
Не рваться и соцсоревнованье,
Не... не... Короче говоря,
Смять позитивную картину.
И даже нос не ковырять.
И не чесать от скуки спину.

УНИВЕРСАЛЬНОЕ УТЕШЕНИЕ

Когда в доме подыхает телефон,
Когда не с кем даже пару слов сказать,
Когда видишь, как друзья со всех сторон
Начинают тебя грязью поливать,
Когда в будущем не светит ни черта,
Когда незачем о помощи просить,
Когда жизни подытожена черта,
И захочешь по-звериному завывать,
Когда скулы от молчания свело,
Когда все не верят, что не виноват,
Когда видеть не хотят, как тяжело,
Лишь одно спасет тебя — наш русский мат.

ПОМНИ

Природы ход суров и строг.
Один нам всем грядет итог:

И теоретика-лжеца,
И диссидента-правдеца,
Прелюбодея-гомо сека,
И даже самого Генсека,
Шпану у винного ларька
И прохиндея из ЦеКа,
С центральной улицы стилиягу
И заводского работягу,
Энтузиаста-пионера
И без зубов пенсионера,
И мудреца, и дурака,
Уносит времени река.

ГОТОВСЬ

Готовсь! Твой скоро час пробьет.
И без излишней проволоочки
Сорвешь, как старое тряпье,
Свои земные оболочки.
Не будешь больше есть котлет
И гнусных каш с подливой рвотной.
Не будешь охмурять Джульетт
Остротой и бородкой модной.
Не вступишь больше в труд чужой
Чужую пошлую цитату.
И не ударишься в запой,
Почтив очередную дату.
Никто тебя не обдерет
Втрое за джинсы, как бывало.
И вместе с массаами вперед
Не пошагаешь к идеалу.
Отвратен этот мир. Но ты
В него уж больше не вернешься.
Из предстоящей Темноты
В мир Света ты не вознесешься.
Не нами это начато.
Такая, значит, наша участь:
С случайной жизнью отмучась,
Вернуться в вечное ничто.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ЖИВУЩЕМУ

Однажды сам себе ты скажешь, что
Осталась в прошлом жизни краткая дорога,
Что шаг всего остался до порога,
Перешагнув который станешь ты ничто.
И непонятно будет твоему уму,
Хотя ты станешь во сто крат мудрее,
Зачем молил ты время мчать скорее,
И каждый миг тянулся долго почему.

ПРЕДСМЕРТНАЯ МОЛИТВА

Сейчас настанет твой конец.
И распадутся жизни звенья.
И неспособен сам Творец
Остановить времен течение.
В лицо Небесному Царю
Скажи такое многократно:
Что жизнь мне дал — благодарю,
Вдвойне — что взял ее обратно.

МОЛИТВА ВЕРУЮЩЕГО БЕЗБОЖНИКА

Установлено циклотронами
В лабораториях и в кабинетах:
Хромосомами и электронами
Мир заполнен. Тебя в нем нету.
Коли нет, так нет. Ну и что же?
Пережиток. Поповская муть.
Только я умоляю: Боже!
Для меня ты немножечко будь!
Будь пусть немощным, не всесильным,
Не всеведущим, не всеблагим,
Не провидцем, в любви не обильным,
Толстокожим, на ухо тугим.
Мне-то, Господи, надо немного.
В пустяке таком не обидь.
Будь всевидящим, ради бога!
Умоляю, пожалуйста, видь!
Просто видь. Видь, и только.
Видь всегда. Видь во все глаза.
Видь, каких на свете и сколько
Дел свершается против и за.
Пусть будет дел у тебя всего-то:
Видь текущее, больше — ни-ни.
Одна пусть будет твоя забота:
Видь, что делаю я, что — Они.
Я готов пойти на уступку:
Трудно все видеть, видь что-нибудь.
Хотя бы сотую долю поступков.
Хотя бы для этого. Господи, будь!
Жить без видящих нету мочи.
Потому, надрывая грудь,
Я кричу, я воплю:
Отче!!
Не молю, а требую:
Будь!
Я шепчу,
Я хриплю:
Будь же, Отче!

Умоляю,
Не требую:
Будь!!!

ЭПИЛОГ

Странички эти вы, допустим, пролистали.
И вывод сделали: мы пили лишь да о питье болтали.
И вам ясна тому бесспорная причина:
Нас извела, как пели встарь, тоска-кручина.
И следствия ясны вне всякого сомненья:
Впустую отпило и отболтало поколение.
Не спорю, было. Мы запоем пили.
Здоровье гробили. Таланты зря губили.
Вздыхали, видя мрачность перспективы.
И невозможность сущему иной альтернативы.
И все же дела суть была совсем не в этом.
Мы тем путем влеклись к божественному свету.
Нам были наши пьяные бессмысленные бредни,
Что праведнику чистые причастья и обедни.
Нам в души мутные пропойцы лишь вникали.
И их грехи мы сами щедро отпускали.
Вам всем казалось, что мы просто в стельку пьяны.
Мы ж Небо зрили через дно граненого стакана.
Трубой архангела гремела нам бутылка
И просветляла нас от пяток до затылка.
Жаль, не поймете вы: в конце концов
Исповедали этим мы религию отцов.

Поэзия, так же как и изобразительное искусство (рисование и живопись), была делом второстепенным сравнительно с тем, что я делал в логике, социологии и в прозаической литературе как в средстве изложения моих социальных и философских размышлений. По мере нарастания результатов моих социологических размышлений ослабевала и исчезла совсем потребность не только в поэзии, но и в средствах художественной литературы вообще.

Уже прекратив поэтическую деятельность, я в 2000 году все-таки решил потрянуть старинной и принял участие в сочинительстве государственного гимна России. Сочинил такое стихотворение по этому поводу.

Рухнуло братство свободных народов,
Они отреклись от дружеских уз.
По воле правителей пьяного сброда
Распался великий Советский Союз.
Нету Отечества больше свободного,
Нет братства народов на веки веков.
Есть сборище нищее люда голодного,
Хапуг, паразитов, воров, дураков.
Дурили нас западным раем свободы,
Предательству путь Горбачев проторил,
Нас Ельцин учил, как поссорить народы
В подонков и шкурников нас обратил.

И вот мы плетемся, как дохлая кляча,
Не в выси прогресса — в истории сток,
Подачки у Запада нищенски клянча,
Надеясь в душе, что поможет Восток.

Я сочинил также «нормальный» гимн на музыку советского гимна (Александрова).

Вот он.

ВЕЛИКОЙ РОССИИ ДОСТОЙНЫЕ ДЕТИ,
ДОРОГОЙ ОТЦОВ МЫ УПОРНО ПОЙДЕМ.
И В МИРНОМ ТРУДЕ, И В СРАЖЕНИЯХ СТОЛЕТИЙ
МЫ ВЕРУ В ГРЯДУЩЕЕ СЧАСТЬЕ НАЙДЕМ.

Припев:

БУДЬ, НАШЕ ОТЕЧЕСТВО,
ВЕЧНО СВОБОДНОЕ
ОТ ЧУЖЕЗЕМНЫХ
ПОЗОРНЫХ ОКОВ!
НАДЕЖНЫМ ОПЛОТОМ
БУДЬ НАМ БЛАГОРОДНОЕ
БРАТСТВО НАРОДОВ
НА ВЕКИ ВЕКОВ!

ДАНА НАМ СУДЬБОЮ НЕЛЕГКАЯ ДОЛЯ.
СЧАСТЛИВУЮ ЖИЗНЬ ОМРАЧАЕТ БЕДА.
В ЖЕСТОКИХ БОЯХ ДОСТАЕТСЯ НАМ ВОЛЯ,
БЕЗ ЖЕРТВ НЕ ОБХОДЯТСЯ ГОДЫ ТРУДА.

Припев.

И ЕСЛИ НА НАС ВНОВЬ ОБРУШАТСЯ БЕДЫ,
ПОДНИМЕМСЯ МЫ ПО ПРИЗЫВУ: «ВПЕРЕД!»
МЫ ВЕРУЕМ СВЯТО: ВЕЛИКОЙ ПОБЕДОЙ
БОРЬБУ ЗАВЕРШИТ НАШ РОССИЙСКИЙ НАРОД.

Припев.

И на этом мое поэтическое творчество закончилось.